

«ЗЕЛЕНЬКИЙ ФУРГОН» АЛЕКСАНДРА КОЗАЧИНСКОГО КАК ОДЕССКИЙ ТЕКСТ

У статті повість О. Козачинського розглянуто як Одеський текст; виявлено ключові назви, об'єкти, характеристики для цього тексту. Запропоновано розуміння Одеського тексту як міфопоетичного тексту про культурного героя (або деміурга). Зміст цього міфу – у встановленні порядку, організації життя. Зміст повісті – у встановленні її героєм мирного порядку в Одесі 1920-х років після війни та окупації міста.

Ключові слова: міський текст, повість, топос, кульмінація, оповідач, автор, О. Козачинський.

В літературознавстві уже утвердились такі категорії, як «сверхтекст», «межтекстовое единство». Однією з різновидностей свертекста є міський текст. Його дослідженню присвячені роботи Ю. Лотмана, Н. Медніс, В. Топорова, Т. Цивьян і багатьох інших учених. В. І. Тюпа, розмислюючи про міський текст, позначає як обов'язковий «предметно-смысловое единство данного культурного топоса ... як інтенціонального (передбачуваного свідомістю) об'єкта» [4, 253]. Цей дослідник вважає, що міський текст завжди співвідносимо з міфом. Так, наприклад, Сибірський текст – це міф про перебування божества в просторі смерті і поверненні з нього; Петербургський – це міф про космогонію або есхатологію. Близьку думку висловлює і Белла Вернікова в роботі про Одеський текст як про культурну семиосферу, в якій можна виділити ряд повторюваних з твору твору міфологем. Мета пропонованої статті – розглянути повість Александра Козачинського «Зелений фургон» (1938) як Одеський текст. В першу чергу нас буде цікавити умовленість образу міста жанровими особливостями твору, а також відтвореною в ньому історичною епохою. Однак ми спробуємо також позначити можливі контакти цього твору як міського міста з елементами міфу.

Відомо, що «Зелений фургон» оснований на реальних подіях життя його автора, а також іншого відомого письменника, Валентина Катаєва. Сам Козачинський зображений в повісті в образі доктора Бойченко, в минулому – конокрада Красавчика, а прототипом

главного героя, начальника Севериновского уголовного розыска Володи Парикеева, был В. Катаев.

В повести мы находим многие сигнатуры (термин, которым Т. В. Цивьян в работе о Венецианском тексте русской литературы обозначила ключевые для образа этого города объекты и характеристики), связанные с Одессой. Это названия улиц: Дерibasовская, Белинская, Балковская, Ришельевская и т. д. К примеру, читаем: «Белинская улица, потерявшая за последние недели все свои великолепные акации, казалась Володе просторной и пустой, как комната, из которой вынесли мебель» [2, 42]. Или: «В самой Одессе гимназистка седьмого класса Дуська Верцинская, известная под кличкой Дуська-Жарь, совершила за вечер восемнадцать налетов на одной Ришельевской улице и только по ее четной стороне» [2, 61]. Называются другие объекты, представляющие Одессу. К примеру, портовая эстакада. Она была построена в 1872 году, но в 1905 году сгорела. Позже она была отстроена заново. Но судьба этой новой эстакады также сложилась драматически: в связи с топливным голодом она была разобрана и сожжена одесситами. «В эти дни, – сообщает повествователь, – погибла знаменитая эстакада в одесском порту. Одесситы гордились ею не меньше, чем оперным театром, лестницей на Николаевском бульваре и домом Попудова на Соборной площади. О длине и толщине дубовых брусьев, из которых она была выстроена, в городе складывались легенды. Будь эти брусья потоньше и похуже, эстакада, возможно, простояла бы еще десятки лет» [2, 42].

Из повести мы узнаем о разнообразии национальностей и вероисповеданий обитателей Одессы, об особенностях их быта. «В Одесском уезде, – замечает повествователь, – жили бок о бок украинцы, молдоване, немцы, болгары, евреи, великороссы, греки, эстонцы, арнауты, караимы. Старообрядцы, субботники, молокане, баптисты, католики, лютеране, православные. Жили обособленно, отдельными селами, хуторами, колониями, не смешиваясь друг с другом, сохраняя родной язык, уклад, обычаи. Немцы жили, как полтора столетия лет назад их прадеды жили в Эльзасе и Лотарингии, – в каменных домах с островерхими кровлями, крытыми разноцветной черепицей. <...>. Колонии назывались Страсбург, Мангейм – как города на Рейне. Немцы были разные. Были немцы с французскими фамилиями – онемеченные эльзасские французы, с заметным украинским налетом, и были немцы с немецкими фамилиями. Были немцы богачи и бедняки, ... немцы, говорящие на гохдойч, и немцы, говорящие на платдойч, плохо понимающие и не любящие друг друга. Кроме немецкого, колонисты знали немножко украинский. “Мы нимци”, – говорили они о себе.

Молдавчане в Одессине жили точно так, как их предки в дунайских княжествах двести-триста лет тому назад; ели мамалыгу с кислыми огурцами и медом, сами ткали полотно и шерсть и не понимали по-русски. Французы ухаживали за своими виноградниками, как где-нибудь в Провансе» [2, 62]. И в то же время в «Зеленом фургоне» создается не отвлеченный (вневременной) портрет Одессы. Уже из приведенных фрагментов ясно, что облик города обусловлен тем временем, к которому отнесены события в повести.

Действие в повести А. Козачинского разворачивается в 1920 году. Только что закончился период (на протяжении трех с половиной лет), когда город окружала линия фронта, власть в Одессе менялась не менее четырнадцати раз. «Одесситы, – замечает повествователь, – расходились в определении числа властей, побывавших в городе за три года. Одни считали Мишку Япончика, польских легионеров, атамана Григорьева и галичан за отдельную власть, другие – нет. Кроме того, бывали периоды, когда в Одессе было по две

власти одновременно, и это тоже путало счет» [2, 40]. И далее он описывает случай, который произошел с отцом главного героя, доцентом медицинского факультета Новороссийского университета. Поскольку половиной города владело войско украинской директории, а половиной – Добровольческая армия генерала Деникина, необходимо было обозначить границы между этими частями. Для этого были натянуты шпагаты. Между шпагатами была нейтральная территория, не имевшая никакого государственного строя. Это был квартал между Ланжероновской и Дерибасовской. Он жил между двумя шпагатами. «За веревочками, – сообщает доктор Бойченко, вспоминая это событие, – стояли пулеметы и трехдюймовки, направленные друг на друга прямой наводкой» [2, 40]. Границы можно было переходить, но чрезвычайно осторожно, переступая через шпагаты и стараясь не попадать под дула орудий. Немолодой уже мужчина, отец Володи, случайно зацепился каблуком за веревочку и порвал ее. За что был наказан: стоявший поблизости офицер ударил его по лицу.

Об одном из курьезов, связанных с подобным делением города на зоны, вспоминает в своей книге «Время больших ожиданий» и Константин Паустовский. «Интервенты, – пишет он, – разделили город на четыре зоны: французскую, греческую, петлюровскую и деникинскую. Каждая зона была отгорожена от соседней рядами венских стульев. Однажды петлюровцы воспользовались тем, что французский часовой отлучился с поста по нужде, и перетащили стулья – отхватили себе большой кусок чужой территории. Возмущенный часовой поднял, по словам Торелли, «страшный шумер и начал даже стрелять» [3, 109]. Облик улиц Одессы тех лет определялся сражениями. «Были, – вспоминает город своей юности доктор Бойченко, – улицы мирной жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений – улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Ришельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу. Никто не воевал на тихой Ремесленной, а на соседней Канатной не оставалось ни одной непростреленной афишной тумбы. Карантинная не видела боев – она видела только бегство. Это была улица эвакуации, панического бега к морю, к трапам отходящих судов.

У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра и снова одесситы поспешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронте одесского вокзала в те дни» [2, 39]. Социально-политические события изменили облик города, привычные занятия одесситов, судьбу их увлечений. Поскольку в центре произведения два юноши, которые впервые встретились на футбольном поле, в повести значительное место уделено воспоминаниям о футболе в довоенные годы. И это не случайно.

Одесса – первый город в Российской империи, где зародился этот вид спорта (в 1878 году, на год раньше, чем в Петербурге). Все началось с поселения в Одессе колонии англичан, которые в 1878 году сформировали «Одесский британский атлетический клуб» (ОБАК). Это была первая спортивная организация, имевшая в своей структуре футбольную секцию. С 1899 года в ней начали играть и местные футболисты. В 1884 году на Французском бульваре на месте напротив нынешнего здания Одесской киностудии было разбито футбольное поле,

первое в Одессе. В декабре 1910 года в городе была основана Одесская футбольная лига. В повести «Зеленый фургон» упоминается команда «Черное море». Она и в самом деле существовала. По сути, это был юношеский клуб Приморского района. Для того, чтобы вступить в него, необходимо было пройти серьезную проверку (владение приемами рукопашного боя, прыжки в воду и, безусловно, умение играть в футбол). «Как футбольное поле “Черное море” было необыкновенно комфортабельным: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, вылетевший за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельниках и длинных, достигавших колен, старомодных трусиках, которые, впрочем, назывались тогда в Одессе не трусиками, а штанчиками. В своем натиске черноморцы не знали преград. Свирепая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев. Поэтому с той поры, как в одесский порт перестали заходить английские пароходы, черноморцы играли главным образом друг с другом» [2, 50]. Но в повести о футбольных состязаниях гимназистов («Азовское море» – команда в которой играл Володя, герой повести) и «черноморцев» (команда, в которой играл Красавчик) рассказывается в контексте социально-политических событий, в которые погрузился город. Война не только опустошила футбольные поля, но и провела границу между членами команд. Володя узнает от голкипера команды соперников о судьбе черноморцев: «Правый бек Зенчик, оказывается, стал петлюровцем, и его порубили белые. Правый хав Кирюша пошел к белым и его, наоборот, порубили петлюровцы. Капитан Ваня Поддувало сошелся с лезгинами из контрразведки генерала Гришина-Алмазова, шлялся по городу в черкеске и был убит темной ночью на Ланжероне неизвестно кем. Зато вся пятерка нападения – пять молодых рыбаков дождались красных и пошли на Врангеля» [2, 52]. Да и сами Володя и встреченный им случайно на улице член команды «Черное море» были теперь не игроками, а начальником уголовного розыска Севериновки и конокрадом, которого тот надеялся арестовать.

И здесь мы подходим к еще одному фактору, определившему облик Одессы в повести А. Козачинского. Ее жанр можно определить как авантюрно-приключенческую и даже детективную повесть (один из главных героев служит в уголовном розыске, а другой является нарушителем закона). И историческими обстоятельствами (годы после войны, время разрухи и голода в городе), воссозданными в произведении, и его жанром обусловлена значимость такой стороны облика Одессы, как Одесса бандитская. У К. Паустовского, в книге которого описано это же время, читаем, что «в предместьях – на Молдаванке, Бугаевке, в Слободке-Романовке, на Дальних и Ближних Мельницах – жило, по скромным подсчетам, около двух тысяч бандитов, налетчиков, воров, наводчиков, фальшивомонетчиков, скупщиков краденого, шнореров и прочего темного люда» [3, 105]. А в «Зеленом фургоне» Одесса обозначена как родина Мишки Япончика [2, 17]. Выше мы писали о многоликости города и его окрестностей в национальном, бытовом и религиозном плане. Но оказывается, что все эти различия стирались, когда заходила речь о бандитизме. «Бандиты, – сообщает паустовский, – были из немцев и болгар, из евреев и молдаван, из украинцев и греков, из мирного и немногочисленного племени караимов. Были бандиты из баптистов. Вечерами они выходили на шляхи и в ночной темноте грабили и убивали, не разбираясь в национальности. И по утрам у дорог находили трупы немцев и болгар, евреев и молдаван, украинцев и караимов» [2, 63].

Поэтому и пространство Одессы представлено в повести в контексте его деления на ту часть, в которой обитают бандиты, и ту, которую они подвергают своим налетам. «Нехорошими» обозначены села Кубанка и Малый Буялык [2, 25], самым бандитским пригородом считались Ставки. Именно со Ставками связан кульминационный момент в развитии отношений Володи и Красавчика, когда в руках конокрада, спасающегося от преследования, оказывается манлихер Грищенко. Сначала он прицеливается в хорошо видного в светлом квадрате выхода милиционера, а потом отбрасывает ружье и сдается. «Много времени спустя, – замечает рассказывающий об этих событиях своей юности доктор Бойченко, – Володя задумался над тем, что удержало руку Красавчика, когда он, целясь в него из манлихера, решал вопрос: убить или не убить? Только ли холодный расчет опытного уголовника? Не вспомнил ли Красавчик в эту минуту “Черное море”, футбол? Не вспомнил ли он, увидев в светлом квадрате входа инсайта “Азовского моря”, что сам был когда-то голкипером черноморцев и лежал в их славных воротах, как лежит сейчас на полу в темной воровской “малине?” И тогда, быть может, в нем проснулся добрый лев, не пожелавший убить ничего не подозревающего, беззащитного врага; быть может, он почувствовал обиду за себя, за свою скверную судьбу, понял, что смутное время кончилось и что надо делать окончательный выбор» [2, 79 - 80]. Этот фрагмент, на наш взгляд, и является ключом к пониманию повести, образа Одессы в ней. «Зеленый фургон» – это произведение о том выборе, который делали многие в трагическое послевоенное время в 1920 годы. Город постепенно восстанавливал свой быт после обстрелов, множества властей, перебивавших в нем. Он постепенно освобождался от уголовных элементов. Одесса, как и ее обитатели, как Володя и, тем более, Красавчик определяла свое будущее. Таким образом, текст города прочитывается нами как движение Одессы и одесситов к миру, порядку, а значит, живой жизни.

Возвращаясь к началу нашей статьи, наблюдениям В. И. Тюпы о том, что городской текст в значительной мере подобен мифу, позволим себе предположение, что в таком случае текст Одессы ближе всего мифу о культурном герое или демиурге. Поскольку в нем, как и в мифе, идет речь об изменении исходной ситуации, преобразовании состояния мира, положения дел, характера привычек, умений и занятий людей, о создании нового или же внесении нового созидательного в жизнь. «Зеленый фургон» А. Козачинского – повесть о восстановлении мирной жизни, и его герою, вчерашнему гимназисту Володе, ставшему начальником уголовного розыска в одной из частей пригорода Одессы, как и культурному герою в мифе, предстоит сразиться со смертью как во внешнем мире (с оставляющими за собой множество трупов бандитами), так и во внутреннем (встреча с ним производит перелом в нравственном состоянии переступившего закон Красавчика). И судя по развитию действия, герою повести удастся эта миссия.

Список использованной литературы

1. Верникова Б. Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому. *Дерибасовская – Ришельевская: альманах*. 2014. № 56. С. 239 – 250.
2. Козачинский А. Зеленый фургон: повесть, рассказы. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1986. 128 с.
3. Паустовский К. Время больших ожиданий: Рассказы, дневники, письма. Одесса : ППЛАСКЕ, 2012. 486 с.
4. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учебное пособие. Москва : Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.